

Майкл Шур

ПРОДЮСЕР И СЦЕНАРИСТ СЕРИАЛОВ
«ЧЕРНОЕ ЗЕРКАЛО», «ОФИС» И «В ЛУЧШЕМ МИРЕ»

МИФЫ
ОБ ИДЕАЛЬНОМ
ЧЕЛОВЕКЕ

КАВЕРЗНЫЕ
МОРАЛЬНЫЕ ДИЛЕММЫ
ДЛЯ САМОПОЗНАНИЯ

МИО

МИФ Саморазвитие

Майкл Шур

**Мифы об идеальном человеке.
Каверзные моральные
дилеммы для самопознания**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2022

УДК 17.022.1
ББК 87.731.1я9

Шур М.

Мифы об идеальном человеке. Каверзные моральные дилеммы для самопознания / М. Шур — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2022 — (МИФ Саморазвитие)

ISBN 978-5-00-195511-5

Майкл Шур, продюсер известных сериалов «В лучшем мире», «Офис» и «Черное зеркало», написал яркую и полезную книгу о моральной философии – о том, что значит быть хорошим человеком в современном мире. Многие люди считают себя «хорошими», но что в реальности хорошо и плохо? Этические вопросы встают перед нами каждый день, и ответы на них совсем не так очевидны, как может показаться. Например: – Допустима ли ложь при определенных обстоятельствах? – Этично ли наслаждаться шедеврами, созданными безнравственными людьми? – Какие суммы жертвовать на благотворительность? Нужно делать это открыто или анонимно? – Как насчет дилеммы вагонетки? – Зачем вообще быть хорошим? Четких ответов нет. Но эта книга проясняет принципы, которые помогают поступить правильно всякий раз, когда вы сталкиваетесь с нравственной дилеммой. Одновременно вы познакомитесь с десятками философов, размышлявших на те же вечные темы на протяжении 2400 лет, и их концепциями – и на живых примерах узнаете, что такое Никомахова этика, деонтология, утилитаризм, контрактуализм, консеквенциализм, прагматизм, экзистенциализм, окно Овертона и др. Для кого эта книга? Для всех, кто стремится остаться человеком в любой ситуации. От автора Чтобы эта книга не слишком выбила вас из колеи, я сведу путаницу к четырем простым вопросам, которые мы сможем задавать себе, когда сталкиваемся с нравственной дилеммой, большой или малой. Что мы делаем? Зачем мы это делаем? Есть ли то, что мы можем сделать лучше? Почему это хорошо? Хотите получить настоящее краткое руководство, как жить достойной жизнью? Есть очень сжатое руководство, настолько, что его можно

вытатуировать у себя на руке – и еще останется много места. Познай самого себя. Ничего сверх меры. На русском языке публикуется впервые.

УДК 17.022.1

ББК 87.731.1я9

ISBN 978-5-00-195511-5

© Шур М., 2022

© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2022

Содержание

Введение	7
Часть I	13
Глава 1. Стоит ли мне просто так ударить друга по лицу?	14
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Майкл Шур

Мифы об идеальном человеке. Каверзные моральные дилеммы для самопознания

С въедливыми философскими комментариями профессора Тодда Мэя

Печатается по изданию: Michael Shur. How to Be Perfect. The Correct Answer to Every Moral Question. NY: Simon and Shuster, 2021

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Copyright © 2022 by Michael Schur

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

*Эта проблема – дело каждого.
Альбер Камю. Чума*

*Делайте всё, что в ваших силах, пока не узнаете, что можно лучше. Как только вы поняли, что можно лучше, делайте лучше.
Майя Энджелоу, американская писательница*

Десятки тысяч лет назад, после того как первобытные люди проделали основную работу, необходимую для развития и добычи огня, борьбы с тиграми и прочими опасностями, некоторые начали говорить о морали. Они посвящали часть своего драгоценного времени и сил размышлениям о том, почему люди поступают определенным образом, и пытались найти способы вести себя лучше, поступать честнее и справедливее. И перед тем как они умерли, сказанное ими подхватили другие люди. Последователи обсуждали их идеи, а затем передавали другим, и так далее вплоть до сегодняшнего дня. А это означает, что в последние несколько десятков тысячелетий люди всего мира постоянно говорили об этике.

Большинство людей, посвятивших свою жизнь этим разговорам, занимались этим не ради денег, славы или признания: преподавание (а точнее, философия) не лучший путь для достижения этих целей. Они делали это просто потому, что им было важно говорить о морали. Основные вопросы о том, как нам вести себя, живя на Земле, заслуживают обсуждения, они помогут нам найти самый приемлемый путь в жизни. Эту книгу с огромной благодарностью я посвящаю всем, кто участвовал в этом удивительном и глубоко гуманистическом разговоре.

Также я посвящаю ее Джей Джей, Уильяму и Айви. Важнее вас у меня никого нет.

Введение

Сегодня вы решили стать хорошим человеком.

Вы не знаете, зачем вам это нужно. Просто проснулись утром полными сил, энергии и оптимизма. Казалось бы, мир часто сводит вас с ума – но вы вскочили, одержимые желанием стать немного лучше, чем вчера.

Вряд ли это сложно, правда? Просто нужно понемногу менять свой образ жизни. Вы вышли на улицу, нашли пластиковый стаканчик, подняли его и выбросили в урну. Это хорошо! Вчера вы прошли бы мимо мусора и не заметили его, но не сегодня. Сегодня вы станете лучше. В продуктовом вы тратите чуть больше и покупаете яйца от кур, не сидящих в клетках, а молоко – от коров, с которыми обращались по-доброму. Вы с улыбкой представляете себе, как они, урча, жуют свежую траву на пастбище вместо того, чтобы томиться в четырех стенах агропромышленной фермы. Припоминая прочитанную накануне статью о том, что производство говядины (и другого мяса) наносит непоправимый вред окружающей среде, вы проходите мимо прилавка с мясом для гамбургеров и кладете в корзину овощные котлеты. Теперь коровы стали еще счастливее! Они же живы!

Да вы молодец сегодня! Новая версия вас всех сделала!

Затем вы идете на пробежку (для здоровья!), помогаете старушке перейти улицу (проявляете доброту!), смотрите документальный фильм (узнать что-то новое!), читаете новости (проявляете социальную ответственность!) и отправляетесь спать. Какой все же замечательный день.

Но вы лежите в кровати, уставившись в потолок. Что-то гложет вас. Насколько «хорошим» вы на самом деле стали? У вас есть ощущение, что вы делаете добро, но потом вам кажется, что вы точно так же чувствовали себя в прошлом году, когда надели на корпоратив полосатую шляпу – а вы помните, чем это обернулось.

А теперь представьте себе: вы обращаетесь к Специалисту по Всемирному Добру, и он дает вам детальный и точный отчет о том, что хорошего вы сделали. Он тщательно подсчитывает всё, что вы сотворили в День добрых дел, и из Счетной машинки добра выползает чек. Но там не все так прекрасно.

Помните пластиковый стаканчик, который вы выбросили? Он в итоге оказался в Тихом океане, став частью острова мусора размером с Техас, и теперь угрожает флоре и фауне (вы узнали об этом, когда читали новости перед сном, но у вас и мысли не было, что и ваш «вклад» там есть). Овощные котлеты привезли в местный продуктовый издали, оставив преогромный углеродный след. Коровы, которых вы представляли себе, на самом деле сидят взаперти на ферме, а термины «органический» и «натурального откорма» могут трактоваться очень широко благодаря сомнительным законам, разработанным лоббистами агробизнеса. Так что коровам не повезло. Совсем не повезло. Это грустные коровы.

Но всё еще хуже. Кроссовки, в которых вы бегали, сделаны на фабрике, где рабочие получают четыре цента в час. Документалист, чей фильм вы изучили, положив ему в карман десять баксов, – извращенец, который прижимается к людям в метро, а онлайн-кинотеатр, где вы его смотрели, – часть международной корпорации, поставляющей беспилотные боевые самолеты для ВВС Северной Кореи. Да, кстати, старушка, которой вы помогли, собирает предметы с нацистской символикой. «Но она мне показалась такой милой», – скажете вы. Нетушки! Тайная нацистка. Она как раз шла купить какие-то свои штуки, а вы помогли ей перейти через дорогу.

Что ж, теперь вы несчастны. Вы пытались стать хорошим, по-своему, в мелочах, но жизнь дала вам пощечину. И вы теперь злитесь. У вас были добрые намерения, по крайней мере вы старались, неужели вам это не зачтется?! А еще вы разочарованы. Вы не могли позволить себе больше, чем сделали, потому что вы не миллиардер, у которого есть деньги на огромный бла-

готворительный фонд. Учитывая все остальное, с чем приходится иметь дело в повседневной жизни, ответьте: у кого есть время, деньги и силы думать об этике?

Итак: быть хорошим невозможно, даже пытаться бессмысленно, и всем нам нужно спокойно есть напичканные гормонами чизбургеры, выбрасывать мусор в Тихий океан и ничего не предпринимать по этому поводу.

Это был забавный эксперимент. Что теперь?

Большинство людей считают себя «хорошими» и хотят, чтобы остальные тоже считали их такими. Соответственно, многие (при наличии выбора) предпочли бы совершить «хороший» поступок, а не «плохой». Но не всегда легко понять, что хорошо и что плохо в нашем запутанном и противоречивом мире, где на каждом шагу ловушки и капканы, где нужно принимать сложные решения и где друзья, которым вы вроде бы доверяли, дают плохие советы. Например, как глупая Венди, которая назвала шляпу премило-уродливой и убедила вас ее купить. И даже если вы худо-бедно *ориентируетесь* на минном поле современной жизни и вам все же удастся быть хорошим, вы всего лишь один человек! На планете нас *восемь миллиардов*, и многие из нас, похоже, *вообще не* заботятся о том, чтобы стать лучше. Это и коррумпированные политики, и коварные директора компаний, и люди, которые не подбирают собачьи какашки, когда их питомцы испражняются на тротуар, и злые диктаторы, и глупая Венди (что на нее нашло? Ей нравится делать других несчастными?), поэтому трудно не задаться вопросом, имеет ли значение один «хороший» человек. Или, если сказать так, как я, когда начал читать о философии нравственности и размышлять об этом необъятном и запутанном хаосе: «И что, черт возьми, я должен делать?»

Вопрос «Как вести себя более нравственно?» мучит людей не одно тысячелетие¹, но еще никогда не было так сложно ответить на него, как сейчас. И все благодаря сложностям, большим и не очень, которыми наполнена наша повседневность и которые заставляют нас принимать невероятно сложные решения и угрожают непредвиденными последствиями выбора. Кроме того, чтобы стать хоть сколько-нибудь нравственным человеком, необходимо задумываться о своих ежедневных решениях, анализировать свое поведение и напряженно работать. Нужно думать о том, как быть хорошими, не раз в месяц, а *постоянно*. Чтобы эта книга не слишком выбила вас из колеи, я сведу путаницу к четырем простым вопросам, которые мы сможем задавать себе, когда сталкиваемся с нравственной дилеммой, большой или малой.

Что мы делаем?

Зачем мы это делаем?

Есть ли то, что мы можем сделать лучше?

Почему это хорошо?

Если говорить коротко, то моральная философия и этика² и есть поиск ответов на эти четыре вопроса. В Отделе Всемирного Добра для вас были в основном плохие новости, но есть и хорошие: философы уже очень долго размышляют над этими вопросами. И у них есть пара ответов или, по крайней мере, *идеи*, которые могут помочь нам сформулировать наши выводы. Да, многие из этих философов писали так много букв, что чтение их прозы мгновенно вызывает головную боль, но можно вооружиться их теориями, использовать их, принимая решения, и стать чуть лучше, чем вчера.

¹ Ладно, давайте начистоту: он мучит *некоторых* людей. На каждого добросовестного гражданина приходится толпа мошенников, лжецов и Волков с Уолл-стрит, которым правила этики кажутся досадными препятствиями на пути к желаемой цели.

² Как и для многих, термины «мораль» и «этика» для меня отчасти взаимозаменяемы, несмотря на возражения махровых философов и книжных червей. Если вам нравится погружаться в омут семантики, можете покопаться в словарях и найти различия... а затем присоединяйтесь ко мне: такие, как я, беспечно игнорируют их, ведь жизнь слишком коротка.

Я заинтересовался моральной философией, когда работал над сериалом «В лучшем мире». Если вы видели его, то многие идеи в книге покажутся вам знакомыми, потому что я опробовал их там. Если вы этого не видели, а) как вы смеете так меня оскорблять, б) я просто шучу и в) не волнуйтесь! Ведь смысл проекта в том, чтобы вместе с вами пройти путь, который прошел я: от парня, не знающего почти ничего об этом, до того, кто смог написать об этом книгу (или по крайней мере убедить издательство Simon & Schuster, что я смогу написать книгу на эту тему). Я влюбился в этику по простой причине: почти в любом нашем действии есть этическая составляющая, неважно, понимаем мы ее или нет. А значит, мы обязаны понять, что же такое этика и как она работает, чтобы не портить всё каждый раз! Кроме нас на планете живут и другие. И наши действия влияют на них. Если мы хоть чуть-чуть заботимся об этих людях, нам нужно научиться принимать самые грамотные решения.

А вот еще почему мне нравится этика: она бесплатная!³ Не нужно получать лицензию на право вести себя этично или платить ежегодный взнос за то, что мы принимаем осознанные решения. Представьте себе, что мир – музей, а правила этики – волонтеры, работающие в нем. Они тихонько стоят в зеленых длинных пиджаках, сложив руки за спиной. Мы все ходим по музею, рассматриваем картины (при таком сравнении – довольно неоднозначная ситуация с точки зрения морали). Что нарисовано на одних, мы понимаем, а на других – нет, ведь они странные, непонятные и абстрактные. И когда мы видим картину, которую не можем понять, то обращаемся к милой даме в длинном зеленом пиджаке – и она бесплатно рассказывает нам, что на ней нарисовано! Да, мы можем покивать со знанием дела и притвориться, что поняли картину; это вековая традиция, которую поддерживают не только в музеях, но и в жизни. Но в следующем зале нас ждут куда более замысловатые предметы искусства, поэтому стоит разобраться хотя бы в том, что сейчас у нас перед глазами.

Прежде чем мы начнем, хочу сообщить вам еще одну новость. Сам факт взаимодействия с этими идеями и постановки этих вопросов означает, что решающий шаг сделан: мы хотя бы задумались о том, что хорошо, а что плохо. А это значит, что мы пытаемся стать лучше.

Это уже большое дело. Даже если не приглядываться, вы увидите массу людей, решивших для себя, что им плевать на этику, и даже не пытающихся ничего с этим сделать. Я даже не виню их, ведь попытка быть достойным представителем Вселенной – причудливый способ «пытаться поступать правильно» – значит, что мы обречены на неудачу. Даже прилагая все усилия, чтобы стать хорошими, мы все равно облагаемся. Без вариантов. Мы сделаем верный, достойный выбор, но тут же поймем, что он был совсем не правильным и вообще плохим. Мы примем решение, которое, как нам кажется, никак не повлияет на остальных, но тут же окажется, что повлияло – и, о боже, мы в беде. Мы обижаем друзей, наносим вред окружающей среде, поддерживаем аморальные компании, случайно помогаем нацистке перейти улицу. Мы раз за разом терпим неудачи. Мы ежедневно сдаем этот экзамен, и, хотим мы того или нет, провал гарантирован. Более того, даже до «3+» мы не дотягиваем. Так что забота о чем бы то ни было кажется совершенно бессмысленной, нам просто плевать.

Но если мы задумываемся, то этот провал означает гораздо больше. Если нам не все равно, правильно мы поступаем или нет, то, значит, нам, скорее всего, захочется узнать, почему мы потерпели неудачу, а это даст нам больше шансов на успех в будущем. Неудача болезненна и сопровождается чувством стыда, но это все равно что учиться методом проб и ошибок. Не бывает так, что «одна идеальная попытка – и дело сделано». Плюс у нас вообще нет альтернативы тому, чтобы задумываться об этике. Мы же не можем вообще не думать о том, как поступаем? Мы не можем халтурить с точки зрения морали? Я не верю, что это правильно. Если нас заботит хоть что-то в этой жизни, мы должны задуматься о том, что хорошо, а что

³ Вам придется заплатить только за книгу, если вы решили ее купить. Однако поведение в соответствии с правилами этики предполагает денежные или временные затраты. Я говорю лишь о том, что бесплатно можно получить идеи, или концепции.

плохо. (Позже, в [главе 11](#), мы познакомимся с очень мрачными французами Сартром и Камю, уверенными, что Бога нет, а мы лишь крошечные частицы небытия, плавающие в огромном немом космическом пространстве, но даже они не хотели, чтобы мы избавились от этической материи.) Эта книга – рассказ о моем пути сквозь моральную философию, а также о том, как научиться принимать неудачи – или свыкнуться с ними, воспринимая их как неизбежный и полезный побочный продукт наших усилий, направленных на то, чтобы пробовать, учиться и совершенствоваться.

Итак, мы зададимся вопросами о том, что делать в определенных ситуациях, и попытаемся ответить на них, прибегнув к идеям, одним из которых 2400 лет, а другие были предложены совсем недавно. Мы медленно тронемся и начнем познавать их: о чем они, что заставляют нас делать, как они нас улучшат, если мы им последуем. Затем мы будем наращивать темпы, применяя то, чему научились, к более сложным и запутанным проблемам, по пути внедряя новые идеи. И к тому времени, когда книга закончится, мы будем точно знать, как действовать в любой ситуации, чтобы причинить максимум добра с точки зрения морали. Мы станем идеальными. Люди будут смотреть на нас с благоговением и восхищением. Друзья обзавидуются.

Я просто шучу: мы все равно будем ошибаться и терпеть неудачи. Но опять же, это нормально! Так давайте приступим и начнем ошибаться. Или, говоря словами Сэмюэля Беккета: «Пробуй еще раз. Ошибись снова. Ошибайся всё лучше»⁴.

Вопросы, которые могут возникнуть у читателей перед тем, как мы начнем

Нужно ли мне знать что-нибудь о моральной философии до прочтения этой книги?

Нет. Я ставил цель написать книгу, которая будет понятна любому, независимо от того, насколько он в теме. Она задумывалась для непрофессионалов, таких, каким был я, когда начал знакомиться с подобными идеями.

Значит, вы не философ? И не профессор? Даже не аспирант?

Нет. Я обычный человек. Но в этом суть! Каждый, кто взял в руки эту книгу, – «обычный человек», или «тот, кто задумывается о своем поведении», или «тот, кому друзья подарили эту книгу со словами “прочти и стань лучше”, и он только сейчас подумал о том, что, возможно, это был тонкий намек»⁵.

Если я хочу узнать о моральной философии, почему я должен читать вашу книгу, а не аналитическое исследование кого-нибудь поумнее, профессора какого-нибудь?

То, что первое приходит на ум, звучит грубо. Скажу вежливее: я потратил кучу времени, чтобы изучить все это, чтобы обсудить свои мысли с очень умными, остроумными людьми, изложить материал понятно для каждого, чтобы чтение не вызывало головной боли. Моя идея не в том, чтобы открыть что-то новое в моральной философии. Я хотел просто разложить всё по полочкам, чтобы мы могли применять эти идеи в жизни.

Ладно, вы обычный человек. Тогда кто вы, чтобы судить меня?!

Я ждал этого вопроса. Я ни в коем случае не хотел пристыдить вас, независимо от того, сколько ерунды вы сделали в своей жизни. И конечно, это не означает, что я сам не сделал

⁴ Beckett S. Worstward Ho // Nohow On: Three Novels. New York: Grove Press, 1998. P. 7.

⁵ Несколько примеров ситуаций, в которых эта книга могла оказаться у тех, кто «не интересуется этикой»: парень, которому нужно что-то тяжелое, чтобы раздавить жука; ребенок 1950-х, который прячет в книге смешные картинки во время урока; женщина, получившая ее в подарок на работе от Тайного Санты, которой нужно пролистать первые несколько страниц, чтобы убедить своего коллегу Терренса, что он сделал хороший выбор и книга куда лучше, чем алкоголь, который подарили остальным; собака, которая как-то взяла книгу в рот, и теперь все вокруг говорят: «Ха-ха, зацени, Бастер пытается читать!»

ничего подобного за всю жизнь. Сделал, даже не сомневайтесь, и продолжаю делать. Никто не идеален. (Прочитав главу 5, вы узнаете, что быть «совершенным с точки зрения нравственности» невозможно и одновременно неправильно.) Опять же, цель в том, чтобы смириться с неизбежными неудачами и научиться извлекать выгоду из своих ошибок, вместо того чтобы мучиться виной, чувствуя себя обреченным повторять эти ошибки снова и снова.

Я умный, образованный человек, и я в ярости. Вы упоминаете работы лишь нескольких великих философов! Как вы можете игнорировать труды стольких важных мыслителей?!

Моральная философия существует не одно тысячелетие, и любая новая теория так или иначе связана с уже существующими. Иногда, продираясь сквозь плотный текст философского трактата, вы натываетесь на 60-страничное лирическое отступление, где автор упоминает другой трактат, и если вы не удосужились прочесть его, вы безнадежно теряете мысль, закатываете глаза, откладываете книгу в сторону и смотрите легкий сериальчик⁶. Если бы я попытался охватить всю моральную философию, я бы читал книги шестьдесят лет кряду, а потом бы умер; но у меня есть дети и жена, я люблю смотреть баскетбол и все такое. Не говоря уже о том, что есть работы по философии, которые я пытался прочесть, но ничего не понял. В какой-то момент я не на шутку заинтересовался метафизикой, которая восходит к древним грекам и рассматривает вопросы самой природы существования. Звучит интересно! Я открыл книгу немецкого философа Мартина Хайдеггера, которая называлась «Введение в метафизику», и первое предложение с примечаниями переводчика выглядело так.

Почему (1) вообще (2) есть (3) сущее (4)?

1. Возможно, в данном случае правильно задать вопрос не «почему», а «как» или «с какой целью».

2. Хайдеггер использует немецкое слово *IchschätzedieMühediesnachzuschlagen*, у которого нет буквального перевода, поэтому я применил слово «вообще», что, к сожалению, искажает посыл, вложенный Хайдеггером.

3. Мы априори предполагаем, что сущее существует, то есть действительно «есть».

4. «Сущее» лучше рассматривать как «локус бытия» или как «существующие вещи». Это понятие можно заменить каким-то неологизмом или даже словом «блёрф», которое я только что придумал. У него нет значения, но оно очень точно передает бессмысленность отсутствия смысла, чтобы разграничить небытие и бытие.

Это, конечно, преувеличение, но небольшое. Меняхватило от силы на четыре предложения. Позже я узнал, что Хайдеггер был в общем-то фашистом, поэтому считаю, что правильно сделал.

Но есть и другая причина, по которой я включил сюда то, что включил, и проигнорировал то, что проигнорировал: работы, которые я упоминаю, мне понравились, ими я проникся. Они имели для меня смысл: у меня, как в мультфильме, над головой загоралась воображаемая лампочка. И в вопросах философии такая связь особенно много значит, иначе появляется ощущение, что ты продираешься сквозь дремучий лес. Ни один исследователь джунглей не может нанести на карту все тропинки, и в итоге вы все равно отдаете предпочтение определенным

⁶ Гипотетически. Я о том, что я сам так не делал, но кто-то мог бы и так поступить.

Часть I

Из которой мы узнаем разные теории о том, как стать хорошим, основываясь на знаниях трех основных школ западной моральной философии, накопленных за 2400 лет; а также еще несколько десятков страниц всякого интересного.

Глава 1. Стоит ли мне просто так ударить друга по лицу?

Нет, не стоит. А вы что ответили? Прекрасно. Далеко пойдете.

Если бы я спросил тысячу человек, что они думают: нормально ли ударить в лицо товарища, не имея для этого оснований, – уверен, все они ответили бы «нет»¹¹. Этот человек – наш друг. Он не сделал ничего плохого, поэтому мы не должны бить его по лицу. Но если задать странный вопрос «почему?» – хотя, казалось бы, это очевидно, – могут возникнуть затруднения.

«Ну, потому что... это плохо».

Даже такая упрощенная формулировка, как ни странно, обнадеживает. Из нее следует, что мы осознаём этическую составляющую этого действия и определили, что это, ну, «плохо». Но чтобы стать лучше, нужно четче осознавать, почему нельзя этого делать, а не просто «потому что это плохо». Необходимо понимание теории этики, объясняющей, почему это плохо. Такой подход поможет нам принимать решения о том, что делать в ситуации, которая с моральной точки зрения менее очевидна, чем вопрос «Стоит ли мне просто так ударить друга по лицу?». То есть в любой другой ситуации.

Очевидно, начать нужно с того, что, скажем, хороший человек обычно так не поступает, но плохой – легко, а мы стремимся быть хорошими. Дальше надо бы поточнее определить, что значит «хороший человек», – а это не так просто, как кажется. Изначальная идея сериала «В лучшем мире» заключалась в том, что «плохая» женщина, эгоистка и вообще довольно бессердечная особа, из-за канцелярской ошибки попадает в рай. Она оказывается в идеальном вечном мире рядом с лучшими людьми, которые при жизни боролись с нищетой и обезвреживали минные поля. Она же мусорила, лгала, а также продавала фальшивые лекарства наивным старикам. Испугавшись, что ошибку обнаружат, она пытается стать «хорошей» и заслужить себе место в новой жизни. Я решил, что это смешно, но очень быстро понял: я понятия не имею, что на самом деле значит быть «хорошим» или «плохим». Я могу назвать поведение «хорошим» или «плохим», например:

делиться с другими – это хорошо,
убивать – плохо,
помогать друзьям – хорошо,
а бить их по лицу без причины – плохо.

Но что лежит в основе нашего поведения? Что это за всеобъемлющая единая теория, которая делит нас на «хороших» и «плохих»? Я потерялся, пытаюсь найти причину, благодаря чему и пришел к моральной философии, которая затем привела меня к созданию сериала, а в итоге – к написанию книги, где я на 22 страницах пытаюсь объяснить, почему не круто с бухты-барахты вклеить приятелю затрещину.

Философы по-разному определяют хорошее и плохое, и в этой книге мы затронем разные варианты. Одни трактуют эти понятия через действия: они утверждают, что хорошее поведение подчиняется определенным принципам, которые мы обнаруживаем, а затем следуем им. Другие говорят, что хорошее поведение приносит наибольшее удовольствие и наименьшие страдания. Одна философ даже считает, что мы ведем себя хорошо из эгоизма, насколько возможно заботясь только о себе. (Серьезно. Она так утверждает.) Но первая теория, которую мы обсудим, – старейшая в Большой тройке; она называется «этика добродетели» и пытается ответить на вопрос, который изначально поставил меня в тупик: что делает человека хорошим или пло-

¹¹ Если бы опрос проходил онлайн, то ответы бы разделились и 70 % опрошенных были бы *за то*, что ударить друга по лицу можно и без веской причины. Интернет – зло.

хим? Специалисты по этике добродетели называют хорошим человека с определенными качествами, или «добродетелями», которые он в себе культивирует и оттачивает со временем. У него не просто есть эти качества, они присутствуют в нужном количестве. Довольно доступно, правда?

Хотя... у нас сразу возникает сотня других вопросов: какие качества? Как мы их приобретаем? Как мы узнаем, что они у нас есть? Такое часто случается в философии: в тот момент, когда вы задаете вопрос, нужно сделать шаг назад и задать еще 50 вопросов, чтобы убедиться, что до этого вы задали верный вопрос и понимаете, почему вы его озвучили. А затем вы должны ставить вопросы в рамках этих вопросов, продолжая давать задний ход и охватывая всё больше тем, подводя всё большую базу своему исследованию, пока наконец фашист не попытается выяснить, почему вообще существует «сущее».

Кроме того, мы можем задаться вопросом, есть ли единственный способ определить «хорошего» человека. В конце концов, как однажды отметил Филип Пулман, люди слишком сложны, чтобы на них можно было навесить простые ярлыки¹². Все мы очень индивидуализированные продукты природы и воспитания, путаница врожденных черт личности; мы состоим из того, чему научились у учителей, родителей и друзей, нас сформировали уроки жизни, извлеченные из пьес Шекспира¹³ и фильмов «Форсаж»¹⁴. Возможно ли описать набор качеств, которыми каждый из нас должен обладать в определенном, правильном количестве, чтобы считаться «хорошим»? Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно забыть все, чему мы научились. Нужно перезагрузиться, разобрать себя на части, а затем собрать заново с более четким пониманием того, что мы делаем и почему. И за помощью мы обратимся к Аристотелю.

«Река золота»

Аристотель жил с 384 по 322 г. до н. э. и писал самое важное о самом важном. Если вы хотите пожалеть себя и расстроиться по поводу своих ничтожных достижений, загляните на его страницу в «Википедии». По оценкам, сохранилось менее трети всех работ, которые он на самом деле написал, но даже они охватывают такие темы, как этика, политика, биология, физика, математика, зоология, метеорология, душа, память, сон и сны, ораторское искусство, логика, метафизика, политика, музыка, театр, психология, кулинария, экономика, бадминтон, лингвистика, политика и эстетика. Этот список настолько длинный, что я трижды вставил туда политику, а вы даже не заметили. Вы и глазом не моргнули, когда я заявил, что он писал о бадминтоне, которого явно не существовало в IV в. до н. э. (А еще, думаю, он никогда ничего не писал о кулинарии, но если бы вы сказали мне, что Аристотель однажды выбросил свиток папируса, на котором было всего четыре слова о том, как приготовить идеальную курицу под пармезаном, я бы не усомнился.) Невозможно переоценить его влияние на западную философию. Поэт Цицерон даже назвал его прозу рекой золота¹⁵, что довольно круто, если известный поэт скажет такое о вашем творчестве (и вот еще что: поумерь свой пыл, Цицерон. Выходи из-за стола немного голодным)¹⁶.

¹² Издана на русском языке: Пулман Ф. Янтарный телескоп. М.: АСТ, 2017.

¹³ «Любите всех, доверяйте немногим, не делайте плохого никому» (У. Шекспир. Все хорошо, что хорошо кончается).

¹⁴ «Неважно, что у машины под капотом; главное – кто сидит за рулем» («Форсаж 8», реж. Ф. Гэри Грей, 2017). И еще: «Я забью тебе зубы так глубоко в глотку, что тебе придется засунуть зубную щетку в задницу, чтобы их почистить» (там же). В этой франшизе просто бездна мудрости.

¹⁵ Shields C. Aristotle // Stanford Encyclopedia of Philosophy, August 25, 2020 // plato.stanford.edu/entries/aristotle/#AriCorChaPriDiv.

¹⁶ Полностью фраза, сказанная греческим философом Цицероном, звучит так: «Если проза Платона – серебро, то проза Аристотеля – река золота». *Прим. пер.*

Но в данном случае нас интересует только взгляд Аристотеля на этику. Его самая важная работа на эту тему называется «Никомахова этика» – либо в честь его отца Никомаха, либо в честь его сына Никомаха, либо какого-то другого парня по имени Никомах, который ему нравился больше, чем собственные отец или сын. Чтобы объяснить, что делает человека хорошим или плохим, и при этом не сосредоточиваться на его поступках, Аристотель предпринял несколько шагов. Ему нужно определить, 1) какими качествами должен обладать хороший человек, 2) в каких количествах, 3) есть ли у всех нас способность приобрести эти качества, 4) как их приобрести и 5) как мы увидим (или почувствуем), что обладаем ими. Это длинный список, и чтобы найти все аргументы, нужно немного терпения и времени. У мыслителей, о которых мы поговорим позже, есть теории, которые можно неплохо изложить в нескольких предложениях; этика Аристотеля похожа на электричку, у которой на маршруте много остановок. Но это приятная поездка!

Когда мы прибудем на станцию «Хороший человек»?

Вам, наверное, покажется странным, что мы начинаем с последнего вопроса предыдущего абзаца, но именно так делает Аристотель. Сначала он определяет конечную цель – саму цель жизни, то, к чему мы стремимся. Точно так же молодой пловец считает золотую олимпийскую медаль главной целью, означающей максимальный успех. Аристотель говорит, что это и есть счастье. Это телос¹⁷, или цель, человеческого бытия. Думаю, его доводы в пользу этой идеи убедительны. Есть вещи, которые мы делаем по какой-то другой причине. Например, мы работаем, чтобы заработать деньги, или занимаемся спортом, чтобы стать сильнее. Кроме того, существуют блага, которые мы хотим получить¹⁸, например здоровье, честь или дружба, потому что с ними мы становимся счастливыми. Но счастье занимает первое место в списке желаемого, и оно не представляет собой никакую другую цель, кроме себя самого¹⁹. Именно его мы хотим достичь, просто... быть им.

Строго говоря, в оригинале на греческом Аристотель использует расплывчатое понятие «эвдемонизм», которое иногда переводится как «счастье», а иногда как «процветание»²⁰. Я предпочитаю «процветание» – это слово мне кажется более всеобъемлющим. Мы здесь говорим о конечной цели человека, и если назвать его процветающим или успешным, кажется, что он больше удовлетворен жизнью, более цельный и производит лучшее впечатление, чем «счастливый». Я часто счастлив, но при этом не чувствую, что успешен. Например, мне трудно представить себе большее счастье, чем смотреть баскетбольный матч, уплетая пачку за пачкой печенье с арахисовым маслом, но успешен ли я, когда делаю это? Это ли мой максимальный уровень самореализации? Неужели это конечная точка моего личного потенциала? (Мой мозг постоянно пытается ответить «Да!» на эти риторические вопросы, и если это правда, то мне было бы немного грустно, поэтому я опушу этот момент.) Похоже, Аристотель предвидел такое напряжение и разрешил его, объяснив, что счастье отличается от удовольствия (связанного с гедонизмом), поскольку у людей есть мозги и способность рассуждать. Это означает, что Счастье с большой буквы «С», о котором он говорит, подразумевает рациональное мышление и

¹⁷ Телос – очень важное понятие в греческой философии. Если употреблять в речи прилагательное, образованное от него, «телеологический», вы покажетесь очень умным, поэтому советую почаще это делать. Каждый раз, когда кто-то говорит то, чего вы не понимаете в философской дискуссии, можно сказать: «Разве мы не должны говорить об этом в телеологических терминах?» Оппонент вам покивает и скажет: «Гм, да, хорошая идея».

¹⁸ Издана на русском языке: Аристотель. Никомахова этика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020.

¹⁹ Издана на русском языке: Аристотель. Никомахова этика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020.

²⁰ Я стараюсь не использовать слово «эвдемонизм» в разговоре, поскольку не уверен, что говорю правильно. Он «эв-де-мо-низм», или «эв-дЭ-мо-низм», или «эв-дЕ-мо-низм»? Я этого не знал, и каждый раз, когда произношу это слово вслух, например только что Тодду в Zoom, я как будто проглатываю его или притворяюсь, что кашляю, чтобы он не понял.

добродетели²¹, а не просто, раз уж я привел этот пример, финал баскетбольного чемпионата и ведро печенья с арахисовым маслом.

Если понятие процветания по-прежнему ускользает от вас, подумайте об этом вот в каком ключе: вы знаете, как люди, сильно увлеченные бегом трусцой, говорят о «кайфе бегуна»? Это (по их мнению) состояние эйфории, которого они достигают в конце длинной гонки или пробежки, когда внезапно не чувствуют, что устали или напрягаются, потому что поравнялись со сверхлюдьми, стали бегущими богами, парящими над трассой, поддерживаемыми силой чистой радости от бега. Два важных замечания по этому поводу. Во-первых, эти люди – *грязные лжецы*, потому что нельзя получить от бега удовольствие более высокого уровня, поскольку от бега нельзя получить вообще никакого удовольствия, ведь в этом занятии нет ничего приятного. Бегать ужасно, и человек не должен этого делать, разве что когда за ним гонится медведь. Во-вторых, для меня *процветание* Аристотеля – своего рода «кайф бегуна» для всего нашего существования: это чувство завершенности, которое проходит через нас, когда мы осознаём каждый аспект человеческого бытия.

Таким образом, с точки зрения Аристотеля, сама цель жизни – в том, чтобы процветать. Точно так же, как цель флейты – создавать прекрасную музыку, а цель ножа – идеально резать. И это потрясающе, правда? #житьлучше? Справиться на все сто? Аристотель – хороший продавец, он вдохновляет нас своей идеей: теоретически все мы можем достичь статуса сверхчеловека. Но затем он выносит приговор: если мы хотим процветать, нам нужны добродетели. Много добродетелей. В определенном количестве и точных пропорциях.

Что такое добродетели?

Добродетелями можно считать черты характера человека, которыми мы восхищаемся, или те, что мы ассоциируем с высокой нравственностью. В основном они мотивируют нас хотеть подружиться с такими людьми: храбрость, сдержанность, щедрость, честность, великодушие и т. д.²² Аристотель определяет добродетели как то, что заставляет [их] обладателей быть в правильном состоянии и выполнять свои функции хорошо²³. Достоинства ножа – качества, которые делают его хорошим ножом, а достоинства лошади – ее врожденные качества, которые делают ее хорошей для скачки и других лошадиных обязанностей. Перечисленные Аристотелем человеческие добродетели – то, что делает нас хорошими людьми. На первый взгляд это слишком. Если бы на первой тренировке по теннису инструктор сказал нам, что «достоинства теннисиста – то, что позволяет хорошо играть в теннис», мы, скорее всего, кивнули бы, притворились, что нам кто-то звонит, а затем отменили оставшуюся часть занятия. Но эти аналогии понятны.

²¹ Издана на русском языке: Аристотель. Никомахова этика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020.

²² В списке Аристотеля их плюс-минус дюжина, но, учитывая, что прошло около 2400 лет с тех пор, как он составил его, думаю, честно и справедливо будет внести свои дополнения, обсуждая современную этику добродетели. Мне кажется, глупо воспринимать текст древнего документа буквально, согласны?

²³ Издана на русском языке: Аристотель. Никомахова этика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020.

Вещь	Добродетели	Цель
Нож	Острота, прочность лезвия, равновесие и т. д.	Хорошо резать
Теннисист	Ловкость, рефлекс, способность видеть весь корт и т. д.	Играть в теннис всегда и везде
Человек	Великодушие, честность, мужество и т. д.	Процветание/ счастье

Теперь мы знаем, что нам нужно (добродетели) и что это даст нам (поможет достичь успеха и процветания). Но как нам это заполучить? Или эти добродетели у нас уже есть? Или мы с ними родились? К сожалению, простого решения нет. Стяжание добродетелей – пожизненный процесс, это *очень* трудно. (Облом. Когда Элеонора Шеллстроп – персонаж Кристен Белл из сериала «В лучшем месте» – спрашивает своего наставника по философии Чиди Анагонье, как стать хорошим человеком, ей интересно, есть ли таблетка, которую можно принять, или что-то еще. Но таких средств не существует.)

Как стяжать добродетели?

К сожалению, по мнению Аристотеля, никто не рождается с полным комплектом добродетелей. Нет детей со всеми сложными и лучшими версиями этих замечательных качеств²⁴. Но всем нам от рождения дана возможность приобрести их. У каждого есть то, что он называет естественными состояниями добродетели. Вероятно, любой из нас имеет свой тип характера от природы; на самом деле мы справедливы, храбры, склонны к умеренности или обладаем какими-то другими чертами с рождения²⁵. Я называю их «наборами добродетелей для начинающих», базовыми инструментами и примерными картами, с которых начинается поиск чистых добродетелей длиной в жизнь. Аристотель говорит, что такие наборы – сырые черты характера, присущие детям и животным²⁶, которые, как вы знаете, если когда-нибудь водили группу десятилетних мальчиков в развлекательный центр, почти одинаковы.

Наверняка каждый может определить, какой стартовый набор был у него в детстве. С самого раннего возраста я четко следовал правилам, можно сказать «обладал добродетелью исполнительности», и сейчас это уже не назовешь подхалимством. Нужно иметь талант убеждения, чтобы заставить меня нарушить какое-то правило, каким бы ничтожным ни было потенциальное наказание, ведь в моем стартовом наборе добродетели послушания есть все необходимое. Очень много необходимого. Один из инструментов набора – тихий внутренний голос, он звучит в моей голове, сколько я себя помню. Он начинает роптать, если кто-то нарушает правило, и не останавливается, пока оно не будет соблюдено²⁷. Когда я учился на первом курсе колледжа, у нас в общежитии было правило: громкую музыку можно слушать только до часу ночи. И если я был на вечеринке в час, даже в другом общежитии, голос в моей голове при-

²⁴ Но какой классный это был бы ребенок! О, мой бог, хотел бы я познакомиться с таким великолепным, успешным малышом.

²⁵ Издана на русском языке: Аристотель. Никомахова этика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020.

²⁶ Издана на русском языке: Аристотель. Никомахова этика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020.

²⁷ У многих из тех, с кем я общался, в голове живет похожий голос. Один мой знакомый называет его моральным эквивалентом писка, который издает машина, когда вы не пристегнули ремень безопасности.

казывал мне подойти к стереосистеме и приглушить звук. Таково было правило. Можете себе представить, как популярен я был на вечеринках²⁸.

Но опять же, эти стартовые наборы представляют только наш потенциал добродетельного человека, а между потенциалом и реальностью разница велика. Подумайте об этом вот как: иногда мы говорим, что некоторые «рождаются» с определенными качествами, например она «прирожденный лидер», или он «прирожденный волынщик», или что-то в этом роде. На самом деле мы имеем в виду, что у человека есть естественная склонность быть лидером или играть на волынке, и часто мы говорим это с благоговением, поскольку нам это не дано. Мы никогда даже не думали о том, чтобы попробовать поиграть на волынке, поэтому всякий раз, когда наш друг Роб вытаскивает из шкафа эту непонятную штуковину со странными трубками и начинает в нее дуть, мы приписываем его талант какой-то внутренней, недоступной нам силе, присущей ему с рождения. Затем, когда Роб получает стипендию и уезжает в штат Огайо учиться игре на волынке, мы думаем: «Роб выполнил свое предназначение, он использовал врожденный дар». Но у нас появляется и другая мысль: «В Огайо есть стипендия для волынщиков?» А потом: «Что, черт возьми, Роб собирается делать с таким образованием? Как он собирается зарабатывать на жизнь, играть на шотландских похоронах?»

Это не значит, что Роб с первых дней жизни мурлыкал себе под нос шотландские песенки, точно попадая в ноты. Он просто был склонен к игре на волынке, и это так же непостижимо, как когда некоторые обнаруживают в себе склонности к математике, рисованию или бейсболу. Очень круто, когда это происходит с вами или вашими детьми, и очень раздражает, когда это происходит с другими людьми или их детьми. А затем он взялся развивать свои способности с помощью многолетней практики, и они превратились в навык. Он нашел то, что ему нравилось, и чувствовал себя естественно, занимаясь этим, а затем репетировал миллион часов²⁹, пока не стал мастером.

И точно так же, как мы развиваем любой навык, по словам Аристотеля, мы становимся добродетельными, совершая добродетельные поступки. Это часть уравнения, которая называется «процесс длиною в жизнь». По его словам, добродетель возникает не вследствие естественного процесса, а как результат привыкания. Мы становимся справедливыми, совершая справедливые поступки; сдержанными, когда сдерживаем себя; храбрыми, когда проявляем храбрость³⁰. Другими словами, мы должны отрабатывать великодушие, умеренность, мужество и другие добродетели точно так же, как несносный Роб – игру на своей несносной волынке. План Аристотеля предполагает постоянно учиться, поддерживать навык и быть внимательным. Возможно, стартовые наборы есть у нас от рождения³¹, но если мы не развиваем навыки через привыкание, расслабимся и будем вести себя как взрослые, полагаясь на то, что они у нас уже есть, то мы обречены. (Это все равно что человек скажет: «В детстве мне нравилось играть в машинки из спичечных коробков, поэтому я думаю, что теперь легко сяду за руль Ferrari в «Формуле-1» и выиграю Гран-при Великобритании».) Привыкание – почти то же, что «повторение – мать учения», фраза, вдолбленная нам в голову тренерами по баскетболу в школе или учителями музыки: мы совершенствуем навык, повторяя действие, и как только мы перестаем это делать, навык ухудшается.

Так что загвоздка как раз в этом: привыкание, практика и работа над добродетелями. Самый интересный маркетинговый ход Аристотеля заключается в том, что, по его мнению, привыканием можно развить любую добродетель, даже ту, которой, как нам кажется, *не было* у нас от рождения, когда наш стартовый набор представлял собой старый, ржавый ящик с

²⁸ Не очень.

²⁹ Только представьте себе, как тяжело было его родителям. Я понимаю, что только сейчас придумал Роба для этой книги, но мне жаль его вымышленных родителей.

³⁰ Издана на русском языке: Аристотель. Никомахова этика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020.

³¹ Издана на русском языке: Аристотель. Никомахова этика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020.

инструментами, в котором не было даже отвертки. Это важно, потому что, похоже, способности распределяются между нами случайным образом. Каждому из нас что-то дается легко, а что-то получается, философски говоря, отстойно. У меня, например, ужасное чувство направления. Я никогда не знаю, где нахожусь, если только это не место, где я уже побывал десять тысяч раз. И даже тогда это рискованно: я часто терялся за те семь лет, что жил на Манхэттене, схема улиц которого выглядит как числовая расчетная сетка³². Я уверен, что никакая практика не поможет мне научиться хорошо ориентироваться на местности. И с добродетелями, похоже, та же ситуация: у меня была склонность к послушанию, но не мужество (всего лишь пример). Возможно, вы помните, что были щедрым, но не умеренным или трудолюбивым, но не снисходительным. Чтобы добиться успеха, нужно развивать все эти добродетели, и Аристотель обещает нам, что мы³³ сможем это сделать, хотя к одним из них мы более склонны, чем к другим. Если приложить усилия, можно избежать приговора никогда не стать великодушным или храбрым, развить в себе любое другое желаемое качество, а не быть, как я, обреченным теряться каждый раз на подземной парковке в поисках своей машины.

Привыкание считается самой важной частью этической системы Аристотеля, но это не всё. Чтобы научиться играть в теннис, нам нужен тренер, а чтобы играть на флейте, необходимо взять уроки у маэстро. Точно так же нужен хороший учитель, который преподаст уроки добродетели. Древние греки были отчасти одержимы идеей присутствия учителя (или мудреца) во всем: гражданское право, этика, наука и т. д. Сократ учил Платона, Платон Аристотеля, а Аристотель – Александра Македонского³⁴, поэтому большое внимание уделяется роли блестящих инструкторов (и мудрых друзей), благодаря которым люди превращаются из несформировавшихся маленьких тупиц в успешных представителей общества со своей гражданской позицией и которые хотят сделать нас такими. И поскольку эти люди открывали свои академии, каждый раз, когда они говорят о необходимости мудрого учителя, трудно себе представить, что они, скромно покашливая, имеют в виду не себя³⁵, ³⁶ («Этику» часто считают рекламным проспектом академии Аристотеля).

Четко поясню: познания мудрого учителя *не заменяют* практики. Тот чудак, что любил играть в машинки, а затем пытался участвовать в гонках на Ferrari, справился бы не лучше, если бы просто прочел книжку³⁷, ³⁸ о крутящем моменте двигателя или посмотрел выступление гонщика Дейла Эрнхардта – младшего на TED. «Природа, привычка и обучение, – говорит Аристотель, – равно необходимы»³⁹. Ведь успех и процветание, видите ли, требуют не просто чтобы мы определили и развили в себе все эти добродетели. Они необходимы нам в *определённом количестве*. Мы должны быть щедры, но не *слишком*, смелы, но не *чересчур* и т. д. Самая

³² Я приписал этот синдром герою сериала «В лучшем месте» Чиди и назвал его топографическим кретинизмом, потому что он есть у меня.

³³ Аристотель, как и многие образованные и знаменитые люди тех времен, был снобом, поэтому, с его точки зрения, существовало крайне мало людей, способных достичь всего, чего, по его мнению, следует достичь, в отношении добродетелей, совершенства и т. д. Кроме того, он ограничил эту выборку «свободными мужчинами». Ну, понимаете. Как-то не очень.

³⁴ Который, вероятно, не до конца усвоил уроки Аристотеля о том, как быть хорошим человеком, учитывая, что почти всю жизнь он пытался завоевать и поработить весь мир.

³⁵ Эту шутку я украл у Вуди Аллена, она из комедийной пьесы о Сократе. И да, я точно знаю, что это означает в устах Вуди Аллена в 2022 г., и я делаю это намеренно. Просто дождитесь [главы 10](#).

³⁶ См. Аллен В. Побочные эффекты. М.: Corpus, 2013.

³⁷ В 2017 г. президент Трамп назначил своего зятя Джареда Кушнера ответственным за разработку нового мирного плана урегулирования израильско-палестинского конфликта. У Кушнера не было ни малейшего опыта разработки международных договоров, поэтому он отнесся к этому заявлению скептически. В начале 2020 г., когда Кушнер обнародовал свой план, он гордо объявил, что «прочел двадцать пять книг» об истории израильско-палестинского конфликта. Израиль и Палестина по-прежнему не достигли мирных отношений.

³⁸ Relman E. Jared Kushner Says He's Read 25 Books About the Israel-Palestine Conflict // Business Insider, January 29, 2020 // businessinsider.com/jared-kushner-says-hes-read-25-books-about-israel-palestine-2020-1.

³⁹ Аристотель. Никомахова этика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020.

сложная задача этики добродетели – определить это количество, а затем точно рассчитать каждую из них. Аристотель называл эти сводящие с ума конкретные цели «золотой серединой».

Когда же мы «достигаем» этого состояния и становимся добродетельными?

«Золотая середина», как ее обычно называют (все, кроме самого Аристотеля^{40, 41}), – самый важный винтик в машине Аристотелевой этики. Кроме того, по-моему, самый красивый. И самый неприятный. А также самый коварный и непонятный. И он больше всего бесит.

Представьте себе все достоинства, которых мы так хотим достичь: щедрость, умеренность, что угодно, – в виде идеально сбалансированных качелей, расположенных параллельно земле. Если мы сядем точно посередине, перекаладина останется стоять ровно и горизонтально, гармония сохранится. Это «золотая середина»: идеальное среднее место, где сосредоточено точное количество рассматриваемого достоинства, которое поддерживает уровень качелей. Но смещение в любую сторону нарушит баланс: одна сторона качелей упадет на землю, и мы ударимся задницей (в этой метафоре наши задницы = наши личности). Два крайних конца перекалады представляют собой 1) *недостаток* достоинства, с одной стороны, и 2) *избыток* – с другой, когда достоинства слишком мало или слишком много. Крайний недостаток или избыток чего-либо становится пороком, а такого, очевидно, мы пытаемся избежать. Философы иногда называют это «правилом Златовласки». Для каждой черты характера Аристотель убеждает нас быть не слишком горячими, не слишком холодными... в самый раз.

В качестве примера возьмем умеренность, которую Аристотель описывает как золотую середину, когда речь идет о гневливости и бесхарактерности⁴². Люди с *дефицитом* гнева – это те, кто не негодует по поводу поступков, которые должны возмущать, или времени, или людей, чье поведение возмутительно. Такой человек кажется бесчувственным, тем, кто не ощущает боли. Поскольку он⁴³ не гневается, он не похож на того, кто защищается; готовность принимать оскорбления в свой адрес и не обращать внимания на оскорбления в адрес своей семьи и друзей – признак рабской покорности.

Иными словами, если человек совсем не гневается, когда видит какие-то жестокости, например когда хулиган третирует невинного ребенка, он просто стоит там, разинув рот и пускающая слюни, вместо того чтобы ответить должным возмущением. Но если мы *слишком* гневливы, то схватим хулигана и бросим его в озеро, а затем отловим всех членов его семьи и всех *их* тоже бросим в озеро, а потом спалим их дом дотла.

Золотая середина гневливости – которую Аристотель называет умеренностью – определенный уровень гнева, для ситуаций, где он уместен. Чтобы гнев был направлен на людей, которые этого заслуживают, например фашисты, коррумпированные политики или кто-то, связанный с бейсбольным клубом New York Yankees⁴⁴. Итак, гнев – качество, а умеренность – *добродетель*, золотая середина, к которой мы стремимся⁴⁵.

⁴⁰ На самом деле словосочетание «золотая середина» впервые употребил древнеримский поэт Гораций спустя несколько столетий после смерти Аристотеля, но все приписывают его Аристотелю. Точно так же, как Хамфри Богарт никогда не говорила фразы «Сыграй еще раз, Сэм» в фильме «Касабланка». Еще одна фраза, которой знаменит Аристотель: «Мы являемся тем, что постоянно делаем. Совершенство, следовательно, не действие, а привычка», – тоже не была придумана им самим. Ее написал Уилл Дюрант в 1926 г. в своей выдающейся работе «История философии», рассказывая об Аристотеле. Но попробуйте объяснить это кому-нибудь из тысяч пользователей соцсетей, которые публикуют эту «цитату Аристотеля» поверх фотографий людей, занимающихся йогой на пляже на закате.

⁴¹ Дюрант У. История философии. Жизнь и мнения величайших философов // caute.ru/am/text/socrates.html.

⁴² Аристотель. Никомахова этика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020.

⁴³ Еще 30 лет назад все философы по умолчанию использовали местоимения мужского рода в своих работах, имея в виду усредненного человека. Даже женщины-философы. Но я буду использовать местоимения разных родов наугад.

⁴⁴ С этической точки зрения игроки и болельщики Yankees заслуживают сильнее гнева. Это единственное исключе-

Видите, как красива эта идея? Все дело в гармонии, равновесии и грации. Это просто гимнастка – звезда идей, изящно спускающаяся с бревна. Но если задуматься об этом хотя бы на секунду, возникает скользкий момент. Откуда мы знаем, что такое «чрезмерно» или «недостаточно»? Как мы поймем, что злимся достаточно, по причинам, по которым стоит злиться, или на людей, заслуживающих гнева? Это самая распространенная причина, по которой критикуют этику добродетели: *нам нужно работать, учиться, стремиться и развивать в себе какое-то качество, чтобы волшебным образом получить теоретическое «идеальное» его количество, которое невозможно определить или измерить? Отличный план.* Даже Аристотелю иногда трудно точно описать среднее значение. По поводу умеренности он пишет: «Трудно определить, как, против кого, по поводу чего и как долго мы должны сердиться, до какого момента мы действуем правильно или ошибочно»⁴⁶. А затем пожимает плечами: «По крайней мере, ясно одно: промежуточное состояние заслуживает похвалы, и... во всем виноваты излишества и недостатки»⁴⁷. Вся система может показаться немного похожей на знаменитый комментарий судьи Поттера Стюарта о жесткой порнографии: хотя он и не смог дать ей *определение*, «я узнаю ее, когда вижу»⁴⁸.

Это может показаться непрочной основой для целой этической системы. И всё же: мы вроде как *понимаем всё*, верно? Наверняка мы даже можем вспомнить момент, когда злились на кого-то или что-то, а позже думали: «Да-а-а, наверное, я перегнул палку». Или миг, когда мы постфактум почувствовали, что стоило бы сильнее повысить голос. Если подумать о том, что мы сделали, как нужно изучить и свои действия, и действия окружающих, в итоге мы поймем, что такое «слишком мало», что такое «слишком много» и что такое «достаточно». Нам нужно узнавать это, когда мы это видим, и мы узнаем это, только когда увидим, если всегда будем к этому стремиться.

Поиски добродетели помогут нам и в других смыслах. Когда мы начнем воспринимать людей как совокупность качеств, мы лучше поймем, что нам в них нравится, а что нет. Иногда мы говорим: «Луис – милейший парень» или «Диана – самый прекрасный человек в мире». Но на самом деле мы не хотим видеть в своих друзьях крайние проявления каких-то качеств (самый милый человек в мире был бы ужасно скучным). Вспомните тех, с кем вы когда-то проводили много времени: бывшего парня или подружку. То, что вам в них нравилось, было близко к добродетели, качества сбалансированы («Деймон всегда оказывался рядом со мной, но он понимал, когда мне нужно провести время с собой»). То, что сводило вас с ума – и, вероятно, поэтому они стали бывшими, – качества, которых им недоставало или которых было чересчур и которые они, как нам казалось, не стремились изменить, чтобы приблизиться к желаемому балансу («Деймон никогда не пользовался дезодорантом, стриг ногти, положив ноги на стол, и вытирал руки после чипсов о кошку»⁴⁹). Мы найдем золотую середину, только если будем постоянно тренироваться ее искать, оттачивая мастерство, пытаясь снова и снова, терпя неудачи, снова пытаясь и снова терпя неудачи, а также оценивая свои успехи и неудачи.

ние, которое допускает Аристотель. Не пытайтесь найти его в «Этике», об этом написано в другой книге. Я забыл, в какой именно, но где-то это есть. Еще он говорит, что не стоит болеть за футбольный клуб Dallas Cowboys.

⁴⁵ Так мы можем уравновесить все добродетели, например, стремление к удовольствиям – качество, а умеренность в этом – добродетель, к которой мы стремимся.

⁴⁶ Аристотель. Никомахова этика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020.

⁴⁷ Аристотель. Никомахова этика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020.

⁴⁸ Jacobellis v. Ohio, 378 U.S. 184 (1964), 197.

⁴⁹ И поймите: эти люди думают о вас то же. Возможно, вы легко вспомните, как переполнилась ваша чаша терпения из-за недостатка или избытка неприятного для вас качества. Тот момент, когда вас бросили, вдруг обретает смысл, верно?

«Золотая середина»: способ меньше раздражать!

Теперь мы можем вернуться к нашему первоначальному вопросу и дать более четкий ответ на него. Возможно, инстинктивно мы осознавали, что бить друга по лицу без причины плохо, но теперь понимаем, *почему* так: мы проявляем не *среднюю* степень добродетели (умеренность), а чрезмерный гнев. Это было бы нарушением равновесия.

Кроме того, теперь мы знаем, как вести себя в будущем: возможно, мы были склонны к умеренности, интуитивно понимая (благодаря «набору для начинающих практиковать умеренность»), что умеренность – это правильно. Но если мы не будем *тренироваться*, не научимся ее настраивать и не будем регулярно проверять себя, можно ли считать то, что мы делаем, проявлением умеренности, то однажды мы начнем пускать слюни, пока кто-то третирует детей и бьет по лицу наших друзей. Этика добродетели дает нам полную картину: как мы справляемся, как можем стать лучше, чего нам стоит избегать.

Вернемся к примеру с добродетелью исполнительности (которая, опять же, не входит в число перечисленных Аристотелем). Можно сказать, что ее *недостаток* считается беззаконием – нарушением правил и социальных договоров. *Чрезмерная* исполнительность была бы бессмысленным повиновением; такое демонстрируют солдаты, совершающие зверства, потому что они «всего лишь выполняли приказ». Мое личное отношение к исполнению долга временами доходит до крайности. Спросите хотя бы мою жену, друзей или любого, кто бывал со мной на вечеринке в момент, когда начинался комендантский час. Я полощу рот специальной жидкостью в течение полных тридцати секунд, *потому что так написано на этикетке*. Я веду машину, держа руки на руле в положении «на двух и на десяти», *потому что так велел инструктор по вождению*. Я всегда считал такое поведение добродетельным, а раздражение в ответ на него – необоснованным. Но, после того как я прочел Аристотеля, я понял, что избыток исполнительности может вызывать негативные реакции у окружающих: я постоянно убиваю всем кайф (взгляд моей жены, когда она пытается поговорить со мной и понимает, что ей нужно подождать полминуты, пока я закончу полоскать рот, способен расплавить сталь). В последние несколько лет я старался нейтрализовать свою чрезмерную исполнительность, но это нелегко! Мне сорок пять, я прожил так всю жизнь. Я не искал золотой середины и поэтому могу кого-то немного раздражать.

Но я не безнадежен. Я родился с хорошим стартовым набором добродетели исполнительности, который не давал мне нарушать правила. По сути, я делал всё, что мне говорили родители и учителя, ведь они были главными. Но теперь, если бы кто-то, обладающий властью, приказал мне сделать что-то сомнительное, я бы не стал слепо подчиняться, даже если бы этот человек был одет в униформу с табличкой с именем и фразой: «Официальный специалист по правилам»⁵⁰. Возможно, я не пытался найти золотую середину так усердно, как стоило бы, но теперь я глубже понимаю мир, знаю о социальных взаимодействиях, у меня развито чувство приличия и есть мудрость, которой со мной делились мудрые люди. Все это помогает мне регулировать склонность следовать правилам. Если бы я всю жизнь полагался только на свой стартовый набор, все было бы очень плохо. Учитывая мою склонность делать то, что мне говорят, мне повезло, что благодаря воспитанию у меня был небольшой избыток исполнительности и я стал немножко противным. Будь у меня чрезмерный избыток этого качества, я стал бы, ну, вы знаете, военным преступником.

По-моему, в этом состоит истинная ценность этики добродетели Аристотеля. Она была написана давно, но по-прежнему актуальна, когда речь заходит об этом аспекте человеческого состояния. Если не подходить к вопросу внимательно, наша личность и привычки со време-

⁵⁰ Сама мысль об этом парне заставляет меня нервничать.

нем медленно и неизбежно заострятся. До тридцати лет я был заядлым меломаном и слушал музыку разных жанров. Потом я женился, родились дети, и на какое-то время я отдалился от культуры. Теперь я слушаю одни и те же альбомы инди-рока и хип-хопа конца 1990-х по кругу. Это знакомая музыка, она меня успокаивает, я уже механически ставлю эти альбомы в машине. Наше поведение оставляет неизгладимые следы на личности, как тяжелый стул – отпечатки на мохнатом ковре, и становится все труднее избежать их. Истинная ценность «постоянного обучения, постоянных попыток, постоянного поиска» Аристотеля – в том, что из этого выходит: зрелый, но *все еще гибкий* человек, переполненный старыми и новыми впечатлениями, который не будет полагаться исключительно на знакомые действия или устаревшую информацию о том, как устроен мир.

Профессор Аризонского университета и исследователь Аристотеля Джулия Аннас написала книгу «Интеллектуальная добродетель», в которой рассказывает о разнице между *механическим* реагированием на ситуацию, в которой нам нужно проявить некую добродетель, и более глубоким, более «интеллектуальным»: «Результат [практики чего-либо] – скорость и прямолинейность реакции, сопоставимые с обычной привычкой; но отличие ее в том, что благодаря извлеченным урокам мы проявляем гибкость и идем в ногу со временем»⁵¹. Замечательная идея: когда мы снова и снова оттачиваем добродетель, то овладеваем ею в *совершенстве*, и наши реакции обусловлены тем, как глубоко мы ее понимаем. Так что вместо того, чтобы идти по колее, накатанной предыдущими действиями, у нас есть шанс принять верное решение, независимо от причуд ситуации. Поскольку, опять же, на большинство этических вопросов не так легко ответить, как на вопрос «Могу ли я ударить друга по лицу без причины?». Они куда более сложные и тонкие, поэтому само собой разумеется, что чем усерднее мы учимся, тем лучше справимся, когда возникнет новая ситуация, где понадобится включить моральные рефлексы.

⁵¹ Annas J. *Intelligent Virtue*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2013. Pp. 28–29.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.